

К ВОПРОСУ О «СМЫСЛЕ». СТРАТЕГИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье исследуется важная для современной России проблема «смысла» объективных социально-экономических тенденций развития человечества, мировой цивилизации в условиях нарастания кризисных и даже катастрофических явлений экономического, социального, демографического, культурного характера.

Ключевые слова: проблема «смысла» для современной России, развитие человечества, мировая цивилизация.

Конец XX – начало XXI в. ознаменовались для российского социума осознанием, хотя и не всегда еще достаточно глубоким, того, что путь наш проходит по краю пропасти – сегодняшняя Россия находится в состоянии даже не кризиса, а самой настоящей социокультурной и геополитической катастрофы [20; 13]. «БЕССМЫСЛЕННОСТЬ» пронизывает все сферы нашего общества, давая свои горькие плоды в виде кризиса коллективной и индивидуальной идентичности, крушения идеалов и ценностей, деградации культуры и утраты общенациональных и, как следствие, индивидуальных жизненных ориентиров, «смысла жизни». Не может быть устойчивым и прогрессивным социум, в котором экономика, составляющая, как известно, основу национальной безопасности и развития, находится в столь плачевном состоянии. В постсоветской России фактически идет процесс демодернизации экономики – деиндустриализация без вхождения в информационное общество, натурализация хозяйства, ориентация на низкотехнологичный бизнес, архаизация жизни, деградация образа жизни в целом [26, 29].

Не может быть устойчивым социум с разрушенными наукой и образованием. Под знаком вхождения в постиндустриальное общество «западного образца» в России осуществляется безостановочный, научно не обоснованный и бесперспективный, с нашей точки зрения, процесс коммерциализации всех сфер культуры, и прежде всего науки и образования. Последние, по признанию большинства экономистов и теоретиков постиндустриального общества, не подчиняются законам «рынка», открывая пока еще во многом неопределенные перспективы развития нового «общества знания». В России же мы наблюдаем обратный процесс: по меткому замечанию В.С. Семенова, «дикий рынок буквально «съел» культуру» [22, 96].

Не может быть прогрессивным социум, находящийся в столь тяжелом геополитическом положении и уходящий при этом от решения острейшей в этом отношении задачи – «сохранения своей геополитической идентичности». В условиях *геополитического хаоса, вакуума* (по З. Бжезинскому) и в то же время явно просматривающихся североцентричных ориентаций глобальной экономики стратегическим направлением приложения наших усилий должны быть прежде всего регионы Сибири, Дальнего Востока, российского Севера, дающие 3/4 всех доходов от российской внешней торговли и находящиеся в тяжелейшей экономической и демографической ситуации. Если не прекратить процесс выталкивания, отъединения этих территорий и их населения от европейской части России, «могущество ее не только не прирастет, но уменьшится до масштабов Московской Руси. Прорыв на Восток – последний шанс России, тот геополитический императив, который обязывает ее быть единой и неделимой, могущественной и уравнивающей мировые центры силы, объединяющей европейскую, северную и азиатскую цивилизации. Иной путь – путь в пропасть» [27, 81].

И, наконец, не может быть устойчивым социум, который *исчезает*... Россия сегодня находится на пороге демографической катастрофы, о чем свидетельствует: резкое сокращение продолжительности жизни (для мужчин 57,7 года, для женщин 70,4 года) как важнейшего интегрального показателя качества жизни населения страны; стремительный рост различных заболеваний, вызванный социально-экономическими и экологическими факторами; рост «генетического груза» нации. Если в ближайшие годы ситуация коренным образом не изменится, то к 2040 г. население России составит по разным оценкам, 80-90 млн. человек, а к 2050 г. сократится вдвое [14, 82]. В контексте глобальных гео-

политических угроз это равнозначно исчезновению России как системно развивающегося целого.

Исследования ведущих ученых страны показывают, что в сложившейся ситуации России необходима не «догоняющая», а *прорывная стратегия* развития [4]. Однако реализация подобной стратегии требует выявления и понимания *действительных глубинных тенденций общественного развития*, глубинной природы «постиндустриального», «информационного» общества, тех коренных и неотвратимых перемен в недрах общественной системы, торможение которых чревато углублением кризисных явлений. Не вызывает сомнений, что пути выхода России из охватившего ее системного кризиса неразрывно связаны с путями преодоления общецивилизационного кризиса, реорганизации и модернизации существующих общественных институтов, формирования новых глобальных принципов общественного взаимодействия и сосуществования. Сложности в данном отношении возникают вследствие противоречивости и неопределенности той фазы развития, в которую вступила современная мировая цивилизация. Этим объясняется растущее значение проблематики риска как выражения нового отношения и понимания обществом своего будущего (У. Бек, Ч. Перроу, А. Вильдавски, Н. Луман, З. Бауманн и др.). По мнению Г. Бехмана, противоречивость современности, принципиальная открытость и плюрализм научно-технического общества порождают серьезные проблемы ориентации [2, 43]. В то же время Бехман, поддерживая Лумана, подчеркивает ту мысль, что *риск* соотносится с «внутренними опасностями», собственным поведением социальной системы, *включая и бездействие* [2, 42]. Этот вывод недвусмысленно указывает на то, что риски связаны с нарушением *внутренней логики* развития системы, исключая плюрализм как возможную основу развития и видения будущего.

Единая логика развития/необходимость и плюрализм/случайность формируют, по мнению ряда исследователей, наиболее актуальную дихотомию современной теории модернизации общества. Такая оценка, с нашей точки зрения, довольно поверхностна, хотя и не лишена определенных оснований. Модернизация (*modernity*), получившая за последние десятилетия статус своеобразного «мегатренда», претерпевает сегодня весь

ма интересную теоретическую эволюцию. Развиваясь преимущественно в рамках неолиберальных теоретических моделей общества (И.Л. Горовиц, С.П. Хантингтон, К. Фуртадо, Д. Лернер, Р. Редфилд, С. Айзенштадт и др.), концепции модернизи все дальше уходят от идеи унифицирующей глобальной вестернизации, группируясь вокруг идеи многовекторной модернизи [6, 39]. Однако это «движение мысли» остается весьма поверхностным, чего, в частности, не замечают В.Г. Буров и В.Г. Федотова [3]. Практически во всех неолиберальных вариантах модернизи сохраняется неявная установка, при которой вестернизация с ее «рыночной ориентацией» рассматривается в качестве стержневой линии развития цивилизации, а *национальные модели модернизации* – в качестве локальных, «культурных» *форм* ее проявления. Выделяя отдельные черты китайской национальной модели модернизации, указанные авторы упускают, с нашей точки зрения, из вида главное – сущность, основной вектор модернизационного проекта Китая. С нашей точки зрения, именно *социалистический, планомерно-рыночный* проект модернизации лежит в основе современного «китайского бума», прорыва страны в глобальную экономику, «хотя мир не вполне понял его причины» [3, 19]. Не вполне мир понял и причины другого колоссального социокультурного прорыва XX в. – проекта социалистической модернизации, реализованного в нашей стране.

Распад СССР и последовавший за ним развал социальных и экономических институтов практически на всей территории бывшей социалистической сверхдержавы, с одной стороны, а с другой – успехи китайского социалистического проекта заставляют по-новому взглянуть на известную проблему соотношения капиталистического и социалистического хозяйства («рынок» / «план»). Радует то, что постепенно в отечественной науке формируется мощная оппозиция утопическим и даже губительным в контексте российской действительности постулатам «рыночного фундаментализма». Так, по мнению И.И. Кравченко, ведущая роль в модернизационном процессе должна принадлежать *государству*. Это предполагает: расширение государственного сектора экономики; усиление государственного контроля в сфере кредитно-финансовых операций, государственное регу-

лирование денежного обращения и банковского кредита и т. д.; осуществление государством функции долгосрочного программирования и планирования [12, 15]. В контексте диалога рынок/план обнаруживаются весьма интересные и плодотворные, с нашей точки зрения, тенденции поиска и выявления *онтологических оснований* существующих «экономических моделей» человека и общества (В.Г. Федотова). Так, «экономическому человеку» нелиберальных экономических теорий (Дж. Бьюкеннан, М. Фридман и др.) все чаще противопоставляется «человек институциональный» (Г. Саймон, Ю. Эльстер, П. Вайзе, К. Бруннер и др.), подчиняющийся «невидимой руке» общества и культуры в целом [26, 27].

«Институциональная» экономическая модель с ее критикой абсолютного экономического детерминизма в смысле «рыночной неопределенности» и социального атомизма (= индивидуализма), у истоков которой стоял Т. Веблен и которая была реализована в программе реформ Дж.М. Кейнса, действительно, оправдала себя на практике. Этого не учитывают сегодня те авторы [25], которые, находясь под впечатлением от реванша нелиберальных экономических теорий на рубеже веков, подвергают довольно поверхностной критике взгляды крупнейшего американского экономиста, последователя Кейнса Джона Кеннета Гэлбрейта. Гэлбрейт убедительно показал, что развитая индустриальная экономика (а мы добавим – и тем более постиндустриальная), стремясь повысить собственную эффективность и обеспечить устойчивость экономического роста, устраняет одну из ключевых характеристик «рынка» – его *неопределенность* и связанную с ней *конкурентность*. «...Рыночный механизм начинает отказывать как раз тогда, когда возникает необходимость исключительно высокой надежности, когда существенно необходимым становится планирование» [8, 61]. Именно в этом смысле Гэлбрейт говорит о конвергенции капиталистической и социалистической систем: «Обе системы переросли рынок. Наблюдается явная конвергенция в направлении одинаковых форм планирования» [8, 169]. Поэтому, с нашей точки зрения, следует, скорее, говорить не о соотношении рынок/план, а о *соотношении различных «планов»*... Эту проблему отчасти задевает и Гэлбрейт, ставя вопрос о *целях технострук-*

туры (руководителей крупных корпораций) и их соотношении с *целями общества*.

Критиков этих взглядов сбило с толку то, что было выше определено как «*реверсивный ход истории*»... В то же время Гэлбрейт, с нашей точки зрения, действительно, дает недостаточно глубокий анализ рынка, а точнее, пользуясь научной терминологией, *товарного производства и его пределов*. С этим, очевидно, следует связывать и то, что он недооценивает разницу, т. е. *общественное содержание*, капиталистического и социалистического «планов», в полной мере проявившуюся в последней трети XX – начале XXI в. – в эпоху глобализации. Устранение «неопределенности рынка» в пользу крупных национальных, а сегодня уже транснациональных корпораций не устранило, но, напротив, усилило *капитал*, углубив его основное противоречие. В глобальных масштабах это противоречие выражается в той «логике исключения», которая сегодня уже явно работает против ЛОГИКИ и СМЫСЛА истории. Дж. Сорос, например, отмечает, что главным врагом открытого общества сегодня выступает даже не общество закрытое, а «рыночный фундаментализм» – вера в магию рынка и «рыночный» подход ко всем сферам общественной деятельности, – грозящий самоуничтожением существующей системы [11, 107]. Однако позиция «финансового гуру» в отношении экономических основ открытого общества не отличается ясностью. Не видит Сорос и того, что «рыночный фундаментализм» – это открывшееся в эпоху глобалистики подлинное «лицо» капитала и что даже те меры, которые были предложены Кейнсом, а позднее Гэлбрейтом и другими институционалистами и государственниками, могут лишь отодвинуть, но не предотвратить коллапс этой системы.

Не вызывает сомнений, что ЛОГИКА и СМЫСЛ истории разворачиваются в направлении господства общественного интереса в экономической и социальной сферах, сглаживания социального неравенства, реальной демократизации общественных систем, что, по Соросу, означает движение к открытому обществу, а в марксизме – движение к социализму и коммунизму. В то же время практически во всех современных экономических и социологических концепциях, в том числе и в наиболее влиятельной теории постиндустриального общества, характер

и логика этого движения и, как следствие, будущее мира представлены далеко не однозначно. Вызывает серьезные опасения и то, что теоретики постиндустриализма, усматривая в развитии современной цивилизации борьбу противоположных тенденций: социокультурного прогресса/демократизации жизни и тенденции возврата в «темные века» [24, 451], – не могут предложить принципов практического усиления первой и преодоления второй. Коренной порок этих концепций, с нашей точки зрения, состоит в том, что они работают на уровне феноменологического «среза» социальной реальности, не доходя до предельных основ общественной жизни, ее субстанции – материального труда [18]. Весьма показательным в этом отношении и то, что Д. Белл, уделяя особое внимание марксовской концепции перехода от капитализма к новой форме организации общества (общественно-экономической формации) и выделяя два «сценария» перехода, трактует их без учета построения логики «Капитала», пропуская, кроме того, глубинный «третий сценарий» Маркса. И это далеко не случайность, поскольку действительная логика движения истории схватывается и выражается в «Капитале» на уровне таких фундаментальных абстракций, как абстрактный и конкретный труд, стоимость, товар, рабочая сила, общественное отношение и т. д., недоступных для постиндустриальной теории, даже в ее наиболее сильных вариантах (Д. Белл, М. Кастельс).

Содержащийся в «Капитале» в имплицитном виде действительный «сценарий» развития событий связан с выявленной Марксом тенденцией *разрушения пропорциональности* между вещественным и абстрактным богатством, потребительными стоимостями и стоимостью (порциями абстрактного труда), *которая лежит в основе товарного производства вообще, капиталистического в особенности* [21, 210]. Сегодня можно говорить уже о том, что процесс *вырождения товарной стоимости* фактически «выходит на поверхность», проявляясь в феноменах резкого возрастания роли науки, превращения ее в непосредственную производительную силу, роста значения информации и информационных технологий, смещения центра тяжести экономики от производства товаров к производству услуг, появления «сетевых структур» и т. д., на основе обобщения которых и скла-

дываются концепции постиндустриального общества. Однако «осевая» логика постиндустриализма, сочетающая в себе одновременно прямолинейный идеализм и технологический детерминизм, не имеет под собой, что называется, эссенциальной основы. «Знания» и «технологии» – это, безусловно, довольно бедные, бессодержательные характеристики тех процессов, которые связаны с появлением качественно нового типа труда как новой ступени развития родовой и индивидуальной человеческой сущности.

Одним из крупнейших открытий Маркса, лежащим в основе его понимания трансформации капиталистической системы производства и в полной мере подтвердившимся дальнейшим ходом истории, является открытие *всеобщего, или научного (онаученного), труда*. В то же время его трактовки многими так называемыми «постмарксистами», классиками постиндустриализма и отечественными представителями «старого» (И.И. Чангли, В.М. Межуев, Ю.К. Плетников и др.) и «нового» (В.Л. Иноземцев, А.В. Бузгалин, А.И. Колганов и др.) марксизма не представляются удовлетворительными. А.Г. Глинчикова, например, считает, что западный вариант модернизировать, покоящийся на индустриальной трудовой парадигме, и, соответственно, противостояние капитализм/социализм исчерпали себя, поскольку не смену *отчуждаемому* пришел *неотчуждаемый труд*, с характерным для него качественно новым, общественным способом индивидуации [5; 7]. Однако, как и большинство так называемых «постмарксистов», сторонников неоэкономики, данный автор трактует неотчуждаемый труд как чисто духовный (= творческий) процесс, обнаруживая явный дрейф в направлении веберовской концептуальной схемы истории. Выявление скрытой, свехчувственной социально-материальной природы всеобщего труда, с учетом видимого резкого сокращения его физического компонента, требует, безусловно, более сложных форм абстракции [21, 217].

«Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» [15, 116]. Это, во-первых, совместный, кооперированный труд и, во-вторых, труд, аккумулирующий в себе труд предшественников [15, 116]. Колоссальная производительная сила этого труда связана не с мыслью как таковой, но с качественно новым уровнем развития всеобщих

родовых сил человека, аккумулированных в науке и технологии и подчиняющих себе все более мощные (а в перспективе бесконечные) силы природы.

Современной конкретно-исторической формой всеобщего труда является, очевидно, *компьютерный труд*, связанный с *производством информации*, или *абстрактных материальных структур* (В.В. Орлов). Обнаруживая выделенные выше черты всеобщего труда, при котором человек выступает *не как определенным образом выдрессированная сила природы*, а как *субъект, управляющий всеми силами природы* [16, 110], складывающийся уникальный вид не-вещественного материального производства инициирует коренные преобразования на всех уровнях общественной системы. Важнейшими в этом отношении особенностями компьютерного труда являются: принципиально новое единство материального и интеллектуального труда и его глубоко общественный характер, не сопоставимый по содержанию и широте с общественным характером труда прошлых эпох. Это проявляется в том числе и в его растущей производительности, высвобождении значительной части рабочего времени и смещении центра тяжести экономики от производства товаров к производству услуг как сферы экономики, непосредственно направленной на производство *самого человека*, его *всестороннее развитие*. Именно в сфере общественных услуг (здравоохранение, образование, научные исследования), имеющих, по Беллу, нерыночный характер, наиболее явно обнаруживает себя феномен вырождения товарной стоимости и, как следствие, возникает проблема развития «нерыночной экономики благосостояния» и отсутствия «адекватных механизмов оценки общественных благ» [1, 160].

Неуклонное расширение сферы нерыночных общественных услуг, переход от жестких пирамидальных структур управления к сетевым и, наконец, *непосредственно* общественный характер компьютерного труда (информации) – явления, скрывающие под собой глубинный процесс социально-экономической реструктуризации, вырождения ключевого для предшествовавшего способа производства феномена частной собственности и формирования новой, более эффективной в складывающихся условиях – *индивидуализированной общественной собствен-*

ности [19, 20]. Под «ураганным натиском» именно этих процессов – вырождения стоимостного отношения и частной собственности [10] – шагаются сегодня традиционные для капитала социально-экономические институты и рожденные ими системы ценностей и мифов. Один из них, уже изрядно устаревший, но все еще востребованный в среде отечественных «реформаторов», – миф о неэффективности общественной/государственной собственности. Так, некоторые его апологеты в философских кругах [23] не замечают, что акционерная собственность как наивысшая форма развития частной собственности, имеющая якобы неограниченные перспективы развития, несет вместе с тем под этой своей оболочкой значительные элементы нового общественного содержания (на что указывал еще К. Маркс). Ясно, что рост основательности исторического действия, проявляющийся в научно-техническом прогрессе, подчинение человеку все более мощных сил природы, вплоть до космических, предполагает и процесс *обобществления собственности*. Наиболее типичной и неизбежной, хотя и первоначальной, формой такого обобществления, как отмечает В.В. Орлов, является ограничение частной собственности посредством роста *государственного управления экономикой*. Именно в русле этой общецивилизационной тенденции должна разворачиваться, с нашей точки зрения, «прорывная стратегия» модернизации российской социально-экономической системы, связанная с **«определенным оптимумом (может быть, даже минимумом) «рыночного» развития и форсированным внедрением постиндустриальной технологии и экономики»** [21, 260].

Разрушение товарной стоимости, в течение длительного периода истории служившей основой экономических, правовых, политических, нравственных отношений, базирующихся на принципе «эквивалентного обмена» деятельностями («око за око», правило «шу», «золотое правило» морали), ведет к кризису и неизбежному преодолению, «снятию» последних. Относительно простой, поддающийся абстрагированию труд с его аддитивной структурой и соответствующей структурой оценки (стоимостью) находит свое отражение и в соответствующей *абстрактно-всеобщей системе ценностей и смыслов* (абстрактное равенство, абстрактный «человек вообще» и т. д.), вполне сносно ужива-

ющейся с реальным неравенством условий жизни. Зарождение всеобщего труда и формирование новой, «очеловеченной» стоимости (ценности) труда, перерастающей принцип «эквивалентного обмена», предполагает и формирование новой, *конкретно-всеобщей системы ценностей*, в которой реальное равенство возможностей и условий жизни будет исходным принципом, создающим условия максимального и не ограничивающего других индивидуального развития.

Сегодня мы являемся свидетелями кризиса существовавшей более тысячи лет (с некоторыми видоизменениями) абстрактно-всеобщей системы ценностей: она буквально «трещит по швам». Мы не можем признать ее удовлетворительной, реально работающей в условиях «столкновения цивилизаций», противостояния Запада и Востока, развитых и развивающихся стран и регионов мира, в условиях, когда более миллиарда людей на планете голодает... Современный мир мучительно ищет, а точнее, рождает новые идеалы. Новая, *конкретно-всеобщая система общечеловеческих ценностей* создается, с нашей точки зрения, в контексте межкультурного диалога, набирающего силу движения альтерглобализма, ее элементы явно просматриваются в социальной политике ряда европейских государств. Основные концептуальные моменты этой системы, безусловно, уже сформировались, хотя и еще в довольно обобщенном виде: это, во-первых, приоритет труда, «человеческого капитала» перед «финансовым капиталом» и, во-вторых, приоритет коллективности перед индивидуальностью (индивидуализмом), конкретно-всеобщее ядро которого образует принцип господства общественного интереса/собственности над частным интересом и собственностью.

Глубокий кризис современной системы образования, приобретающий общецивилизационные масштабы [28] и требующий как никогда серьезного осмысления в контексте «непрерывно исчезающего настоящего», дает красноречи-

вое подтверждение нашим выводам. Та система установок и ценностей, на которую до последнего времени ориентировалась западная образовательная модель и цивилизация в целом и которая вопреки логике и смыслу истории внедряется в нашей стране, направленная на формирование узкого специалиста, индивидуалиста, противопоставляющего себя обществу, постепенно, неравномерно, болезненно уходит в прошлое.

Восстановление и совершенствование уровня образования – одно из ключевых направлений прорывной стратегии развития России, один из ключевых «трендов» общецивилизационного движения. Современная, отвечающая ЛОГИКЕ и СМЫСЛУ истории система образования должна формировать: в аспекте собственно образования (знания) преимущественно – *универсала, широкого специалиста* (на что направлена как раз система классического университетского образования, стратегия гуманизации образования [9]); в аспекте воспитания (ценности) безусловно – *коммуюнитариста, общественника*, связывающего личный успех с общественными интересами. Абстрактно-всеобщая система ценностей с характерной для нее двойной моралью, сочетающей поверхностный «абстрактный гуманизм» с реальным индивидуализмом и эгоизмом, подвела мировую цивилизацию к точке *of no return*. Выход из тупика, СМЫСЛ видится сегодня исключительно в контексте развития, углубления складывающихся элементов конкретно-всеобщей системы общечеловеческих ценностей: гуманизма, приоритета общественных интересов над индивидуальными, патриотизма, любви к труду, стремления к творчеству и новым горизонтам знания, свободы от всякой эксплуатации. Отражая действительные тенденции развития родовой и индивидуальной человеческой сущности и формируя тем самым жизненно необходимый «смысловой каркас» сознания личности, «формулу смысла жизни» [17, 118] *современного человека*, они задают горизонты будущего...

Список использованной литературы:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – CLXX, 788 с.
2. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. – 2007. – №1. – С. 26-46.
3. Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. – 2007. – №5. – С. 7-20.
4. Глазьев С. О стратегии экономического развития России // Вопросы экономики. – 2007. – №5. – С. 30-51.
5. Глинчикова А.Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество – к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. – 2001. – №9. – С. 36-53.

Маслянка Ю.В. К вопросу о «смысле». Стратегии цивилизационного и национального развития

6. Глинчикова А. Г. Модернити и Россия // Вопросы философии. – 2007. – №6. – С. 38-56.
7. Глинчикова А. Г. Может ли быть товаром интеллект и продукт его труда? // Вопросы философии. – 1997. – №3. – С. 3-15.
8. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 608с.
9. Добрусин М. Е. Гуманизация как стратегия высшего образования // Философия и общество. – 2005. – №3. – С. 87-109.
10. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 67-100.
11. Ефремов О.А. Концепция «открытого» и «закрытого» обществ Джорджа Сороса: полет надежды и тиски реальности // Философия и общество. – 2005. – №4. – С. 93-114.
12. Кравченко И.И. Модернизация мира и современной России. Выход из кризиса // Вопросы философии. – 2002. – №9. – С. 3-19.
13. Крылова И. А. Дестабилизация социально-экологической обстановки в России // Философия и общество. – 1999. – №1. – С. 92-115.
14. Крылова И.А. Современные угрозы и безопасность России // Философия и общество. – 2004. – №4. – С. 70-88.
15. Маркс К. Капитал. Т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 25. Ч. I. – 545 с.
16. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Часть вторая // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46. Ч. II. – 618 с.
17. Маслянка Ю. В. Проблема смысла жизни и модернизация системы образования // Новые идеи в философии: Межвуз. сб. науч. трудов / Перм. ун-т. – 2007. – Вып. 16. – С. 114-124.
18. Орлов В.В. Постиндустриальное общество и Россия // Философия и общество. – 2003. – №3. – С. 78-88.
19. Орлов В.В. Проблема будущего человеческой цивилизации (Товарное производство, капитализм, социализм) // Новые идеи в философии: Межвуз. сб. науч. трудов / Перм. ун-т. – Пермь, 1999. – Вып. 8. – С. 4-23.
20. Орлов В.В. Россия: формула прогресса, или формула спасения // Новые идеи в философии: Межвуз. сб. науч. трудов / Перм. ун-т. – Пермь, 1998. – Вып. 7. – С. 192-194.
21. Орлов В.В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 264с.
22. Семенов В.С. О путях прогрессивного развития российского общества и цивилизации в XXI веке // Вопросы философии. – 2007. – №4. – С. 94-113.
23. Ткаченко Н.А. Проблема собственности в социальной философии // Философия и общество. – 2004. – №1. – С. 53-66.
24. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 669 с.
25. Травин Д. Джон Кеннет Гэлбрейт. Камо грядеши? // Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – С. 586-602.
26. Федотова В.Г. Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопросы философии. – 2007. – №9. – С. 20-31.
27. Хлыстова Н.А. По ту и эту сторону: опыт деконструкции. – Томск: Изд-во ИОА СО РАН, 2003. – 322 с.
28. Philosophical Foundations for Moral Education and Character Development: Act and Agent / Ed. by G. F. McLean, F. E. Ellrod. – 2nd ed. expanded. – Washington: The Council for Research in Values and Philosophy, 1992. – 366 p.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ

«Постиндустриальное общество и Россия. Стратегия развития». №08-03-82301 а/У